

— Но, Бо Хуай, я ведь не бесчувственный идиот. Когда ко мне относятся искренне, я это вижу.

Эти слова врезались в сердце Бо Хуая, словно сок недозрелой зелёной сливы: терпкий, обжигающий язык, медленно растекающийся по венам. В нём смешались горечь, сладость и щемящая тоска.

Пожалуй, когда любишь кого-то настолько сильно, скрыть это невозможно — как ни пытайся осторожничать.

Он едва заметно шевельнул губами, собираясь ответить, но Цзянь Суньи уже продолжил.

— Я знаю, сколько ты возился со мной все эти годы. И я ценю это. Пусть мы вечно цапаемся, наши отношения... они другие. Не такие, как со всеми остальными. Я же не слепой, всё понимаю.

Бо Хуай опустил глаза. Ему отчаянно хотелось спросить, в чём именно заключается эта разница. Но Цзянь Суньи не дал ему вставить и слова.

— Мама ещё в детстве говорила: разве бывают братья, которые не дерутся и не спорят? Если бы ты не выводил меня из себя нарочно, мы бы давно стали лучшими корешами.

«Какого чёрта... Кто тебе, блядь, брат?»

«И какой, к чертям, кореш?»

Бо Хуай поднял взгляд на капельницу, задумчиво разглядывая покачивающиеся на штативе флаконы с физраствором. В его голове промелькнула вполне серьёзная мысль: если утопить эту инфузорию-туфельку по имени Цзянь Суньи в подавителе, захлебнётся ли он?

Впрочем, для самого Цзянь Суньи это признание и без того было верхом откровенности. Заметив, что Бо Хуай никак не реагирует, он смущённо потёр кончик носа.

— Да, говорить красиво я не умею, — проворчал он, отводя взгляд. — Но я парень надёжный, в долгу не остаюсь. Всё, что ты для меня сделал, я помню и отплачу тем же. Так что прекращай меня бесить. У меня характер паршивый, закипаю быстро, но... вообще-то, я никогда тебя не ненавидел.

Должен ему Цзянь Суньи или нет — Бо Хуай и сам не знал. Но он никак не ожидал, что тот сам растопит этот многолетний лёд их напускной вражды и сделает первый шаг навстречу.

Одного этого шага уже было достаточно. Всё остальное потеряло значение. Глупо требовать большего. Нельзя быть жадным.

Губы Бо Хуая тронула лёгкая улыбка.

— Ладно. Обещаю быть пайнкой и почаще тебя баловать. Идёт?

— Сдались мне твои нежности, — буркнул Цзянь Сунъи.

Одарив его недовольным взглядом, он забрал подавители и направился в процедурный кабинет для Омег.

Вернулся он не с пустыми руками — принёс порцию тёплой каши из маша, лилии и саго, которую Бо Хуай всегда любил.

В кашу не добавили сахара. Но Бо Хуаю показалось, что слаще он ничего в жизни не ел.

Благодаря отменному здоровью Бо Хуай быстро пошёл на поправку. Спустя пару часов наблюдения жар окончательно спал, врач выписал лёгкую профилактическую микстуру от простуды и отпустил его.

Цзянь Сунъи после третьей инъекции подавителя тоже пришёл в себя. На всякий случай он выпросил у дежурного врача ещё пару подавителей про запас.

Наблюдая за тем, как бережно тот прячет лекарство в рюкзак, Бо Хуай не удержался от вопроса:

— Интересно, нет ли вреда от такой дозы химии?

— Вроде бы всё безопасно, — ответил Цзянь Сунъи, затягивая молнию и закидывая рюкзак на одно плечо. — Доктор сказал, что формулы подавителей сейчас доведены до совершенства. Некоторые Омеги после смерти своих Альф хранят им верность и сидят на подавителях до конца дней.

Бо Хуай приподнял бровь:

— И почему у тебя при этих словах такой счастливый вид?

— А какой он должен быть? Самый что ни на есть логичный! Меня передёргивает от одной мысли, что какой-то Альфа оставит на мне свою метку, а потом мне придётся влачить с ним остаток жизни. А теперь выясняется, что у меня есть прекрасная альтернатива — прожить жизнь в компании подавителей. Разве это не повод для радости?

«Радуйся, радуйся. Мне-то от этого не легче».

Бо Хуай промолчал и направился к припаркованной у больницы развалюхе- «Сантане», которую за ними прислали с базы.

По пути к машине он заглянул в круглосуточный магазинчик, купил блок сигарет и минералки. Устроившись на заднем сиденье, Бо Хуай вежливо протянул покупки водителю:

— Простите, что заставили вас ждать так долго. Большое спасибо за помощь.

— Да брось ты, парень! — замахал руками водитель. — Мне за это платят, к тому же я всё равно бездельничал. Не стоит благодарности.

Мужчина не кривил душой: за время ожидания он успел с удовольствием посмотреть футбольный матч. Но вежливость и щедрость этого холёного, явно из богатой семьи мальчишки его подкупили.

Бо Хуай настоял, и водитель, смущённо почесав затылок, принял подарок. Вернувшись на базу расширенного обучения «Молодой орёл», он расписал состояние парня в таких мрачных красках, что у руководства отпали всякие вопросы. Командир лагеря поворчал для приличия, но придирааться не стал.

Старина Бай тоже всей душой радел за своих подопечных. Военные сборы он считал чистой воды формальностью. Цзянь Сунъи и Бо Хуай были гордостью школы — отличники, спортсмены, образцовые ребята. Будет нехорошо, если из-за дурацкой муштры они окончательно угробят здоровье. Как потом оправдываться перед родителями?

Поэтому, едва парни ступили на территорию лагеря, классный руководитель велел им немедленно отправляться в казарму и не высовывать носа до полного выздоровления.

Пока в спальне никого не было, они с наслаждением приняли горячий душ, переоделись в домашнее и развалились на кроватях со смартфонами в руках. Рядом на тумбочке высилась гора снеков, купленных Бо Хуаем в местном ларьке.

Вечером в комнату, подпирая друг друга, ввалились измученные Сюй Цзясин и Ян Юэ. Из чистого сострадания они решили проведать захворавших товарищей, но, застав их в блаженной неге, лишились дара речи.

Сюй Цзясину пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать Ян Юэ, который тут же вознамерился бежать под ледяной душ в надежде схватить пневмонию.

Поняв, что уловка с болезнью не выгорит, Ян Юэ со стоном рухнул на стул Цзянь Сунъи и запричитал, размазывая слёзы по лицу:

— Брат Сун, ты не представляешь, какой это ад! Нас здесь просто уничтожают! Подъём — и сразу марш-бросок на пять километров, потом полоса препятствий. После обеда два часа стоишь на плацу как истукан под палящим солнцем. А под конец нам выдали винтовки! Настоящие, блядь, винтовки! Зачем мне, мирному домашнему мальчику, эта хрень?!

Сюй Цзясин обнял Ян Юэ за голову, и они завyli в два голоса:

— Стрелять ладно, так они ещё и точности требуют! Если на зачёте не выбьешь сорок пять очков из пятидесяти, оценки «отлично» не выдать! А без этого прощай звание лучшего ученика года! О господи, за что нам это?!

Цзянь Сунъи впервые наблюдал столь патетическую сцену скорби живьём. Насладившись зрелищем сполна, он резонно заметил:

— Ладно Ян Юэ, он за оценки трясётся. Но ты-то чего ревьешь, Сюй Цзясин? Каким боком к тебе относится звание лучшего ученика?

Сюй Цзясин шмыгнул носом и уставился на него заплаканными глазами:

— А ведь и правда...

Однако поток слёз было уже не остановить. Его лицо снова сморщилось, и он завыл с новой силой:

— Брат Сун, ты просто не знаешь! Омегам и Бетам ещё повезло, а у нас, Альф, не служба, а каторга! Наш инструктор — конченный садист! Разговаривает сквозь зубы, швыряется оскорблениями и ни во что нас не ставит!

Ян Юэ яростно закивал:

— Точно! Вылитый тиран из тех дешёвых романов про властных мерзавцев и принуждение к любви!

Цзянь Сунъи закатил глаза:

— Какую же чушь ты вечно читаешь...

— Да какая разница! Главное — я чувствую, что живым до Школы иностранных языков Наньчэна не дотяну! Брат Сун, спаси нас, умоляю! А-а-а-а!

Вопли стояли такие, словно в комнате кого-то заживо хоронили.

В этот момент на пороге появился Лу Цифэн, решивший навестить больных. Он окинул рыдающую парочку подозрительным взглядом и осторожно поинтересовался:

— Вы что, в госпитале смертельный диагноз получили? Отчего такие похороны?

Наконец-то в дверях показался единственный адекватный Альфа.

— Лу, — позвал его Цзянь Сунъи. — Говорят, наш инструктор совсем берега попутал?

Лу Цифэн прошёл в комнату, без церемоний уселся на край кровати Цзянь Сунъи и беспардонно потянулся к пачке чипсов на тумбочке. Оторвав край упаковки, он ответил:

— Есть такое. Мудак редкий.

Цзянь Сунъи легонько пихнул его ногой:

— Не кроши на моей постели.

— Будто ты у меня в комнате чипсы не жрал.

— Будешь стирать простыни, если намусоришь, — без тени смущения парировал Цзянь Сунъи и вернулся к главному: — Говорят, вам оружие выдали?

— Что, глазки загорелись? — Лу Цифэн хмыкнул, жуя чипсы. — Чует моё сердце, завтра ты устроишь там показательное выступление. Но я бы советовал поумерить пыл. Этот вояка шуток не понимает. Начнёшь выпендриваться — завалит аттестацию.

— Плевать мне на его оценки. Слышь, хорош в одно жало хрустеть, поделись.

— У тебя руки отсохли?

— Мне лень их мыть.

Лу Цифэн шумно вздохнул, выудил из пачки чипсину покрупнее и протянул её прямо к лицу Цзянь Сунъи.

Бо Хуай, до этого хранивший ледяное молчание и делавший вид, что увлечён чтением книги, внезапно с грохотом захлопнул её.

Он медленно поднял тяжёлый взгляд, окинув незваных гостей недвусмысленным взором.

— За хождение по чужим комнатам снимают баллы, — сухо процедил он.

Его взгляд замер на Лу Цифэне. В этих глазах не было ни капли дружелюбия.

Лу Цифэн озадаченно моргнул. Он и раньше слышал, что этот надменный столичный красавчик отличается несносным нравом, и, чтобы не раздувать конфликт и не ставить Цзянь Сунъи в неловкое положение, быстро запихнул чипсы в рот.

— Ладно, — поднялся он, отряхивая ладони. — Скоро обход. Выздоровливайте тут. Пойду я.

Сюй Цзясин и Ян Юэ тоже мигом сообразили, что терпение Бо Хуая на исходе. Подпирая друг друга, они поспешно ретировались из спальни.

Шумная толпа рассеялась, оставив после себя тишину.

Цзянь Сунъи недовольно фыркнул:

— Вот вечно ты так. Неудивительно, что у тебя друзей нет с таким-то характером.

Бо Хуай решил проигнорировать этот пассаж от Омеги с синдромом непробиваемого тугодума.

На следующее утро в шесть часов, когда Бо Хуай бесцеремонно стащил его с кровати и заставил влезать в жёсткую камуфляжную форму и армейские ботинки, Цзянь Сунъи наконец осознал всю глубину страданий своих одноклассников.

Это действительно была не жизнь, а выживание.

Из-за недосыпа Цзянь Сунъи выглядел раздражённым и хмурым. Широкий армейский ремень туго стягивал его тонкую, как клинок, талию, а высокие берцы плотно облегали длинные, стройные ноги. Шёл он неторопливо и вальяжно, но за этой ленивой походкой скрывалась природная спесь и дерзкий вызов всему миру.

Чистый бунтарь — надменный и порочный.

Бо Хуай на его фоне казался воплощением чистой, аристократической гордости. Будучи чуть выше ростом и шире в плечах, он выглядел в камуфляже безупречно: форма сидела на нём как влитая, подчёркивая бесконечно длинные ноги.

Сегодня на нём не было привычных очков в золотой оправе, и его взгляд — холодный,

безразличный ко всему — казался особенно пронзительным. Сильный, властный и недостижимый Альфа.

Эти двое ещё не успели вкусить прелестей армейской дисциплины. Они явились на плац точно-точно к назначенному времени, когда остальные классы и инструкторы уже выстроились в шеренги.

Для благородных господ сбор в половине седьмого означал, что в шесть двадцать шесть спешить абсолютно некуда. И они не спеша, отмеряя шаги бесконечно длинными ногами, двинулись через весь плац к строю класса Альфа.

Каждый из них по отдельности заставлял оборачиваться прохожих, но вместе они производили эффект разорвавшейся бомбы.

— Мама дорогая... Срочно несите кислородную маску!

— Я сейчас сознание потеряю!

— Их лица — лучшее лекарство от утренней депрессии!

— Мы точно в одинаковой форме? Почему они выглядят как модели с обложки, а я как мешок картошки?!

— О боже, Брат Сун слишком горяч! Пусть он не смотрит в мою сторону, иначе я рожу прямо здесь!

— Он смотрит на меня! Мечтай больше!

— Забирайте своего Брата Суна, а я хочу сорвать с Бо Хуая эту форму и довести его до слёз!

—...

—...

— Очередному Омеге требуется принудительное психиатрическое лечение. Кто-нибудь, вызовите санитаров.

— Плюс один за дурку. Но они реально чертовски хороши. Кому же достанутся такие красавцы?

— С кем бы они ни сошлись, всё равно будет обидно за второго.

— А почему бы им просто не встречаться друг с другом?

Все присутствующие разом повернулись к тощему парню из класса Бет, который только что перевёлся из другой школы.

— Чёрт... А ведь логично.

— И правда, логично.

— Звучит как самый разумный вариант.

Лишь двое в строю Омег отнеслись к этим вздохам с крайним скепсисом.

«Моя детка должна прилежно учиться, — свирепела про себя Линь Юаньюань. — Мерзавец Бо Хуай, брысь от него! О-о-о, мой мальчик сегодня просто ослепителен!»

«Все самые альфовые Альфы будут моими!» — мысленно вторил ей Чжоу Ло.

Унылый плац в мгновение ока забурлил. Вспыхнувший шёпот и восторженные взвизги волной прокатились по рядам. Окрики дежурных офицеров тонули в этом гуле.

Виновники суматохи вели себя так, словно ничего не происходило. Они продолжали вышагивать с самым невозмутимым видом, наслаждаясь триумфальным выходом.

Стоило им приблизиться к строю своего класса, как дорогу преградил зычный голос инструктора:

— Вы двое! Стоять!

Цзянь Сунъи замер и лениво повернулся, вскинув бровь. Бо Хуай тоже остановился, одарив назвавшегося Хуан Мином офицера холодным, изучающим взглядом.

— Что-то не так? — с явным раздражением спросил Цзянь Сунъи.

Ученики класса Альф, уже успевшие хлебнуть армейской строгости за вчерашний день, затаили дыхание.

Инструктор, явно не привыкший к подобной дерзости со стороны зелёных юнцов, злорадно усмехнулся:

— Так это вы те самые неженки, которых вчера на скорой в госпиталь увозили?

Слово «неженки» больно задело гордость Цзянь Сунъи. Ему безумно захотелось засунуть этого вояку под ледяной душ часа на два посреди ночи и посмотреть, как тот запоёт наутро.

Он смерил мужчину оценивающим взглядом. Перед ними стоял довольно крепкий Альфа с рельефной мускулатурой, которую не скрывал даже камуфляж. Однако узкое лицо со скошенным лбом и колючие глаза выдавали в нём человека мелочного и злобного.

И манера общения у него была соответствующая — язвительная и высокомерная.

Инструктор сделал шаг вперёд, кривя губы в неприятной ухмылке:

— Весь поток уже на плацу, и только вы двое соизволили явиться последними, да ещё и вразвалочку. Вы сюда воевать приехали или на подиуме красоваться? Для кого этот дешёвый фарс?

Бо Хуай молча взглянул на наручные часы:

— Шесть часов двадцать девять минут сорок восемь секунд. Мы уложились в регламент.

— А на поле боя тебе тоже секундомер судья включать будет?!

Цзянь Сунъи терпеть не мог эти напыщенные армейские аналогии.

— Защита мира на земле — долг каждого гражданина, — протянул он скучающим тоном. — Сейчас благословенное мирное время, зачем вы каркаете о войне?

Среди ребят послышались смешки.

Хуан Мин быстро понял, что в словесной дуэли с этими зубастыми подростками ему не победить. Следовало сразу показать, кто здесь хозяин.

Он выдавил очередной смешок:

— Что ж, советую молиться, чтобы этот мир длился вечно. Иначе такие изнеженные комнатные барчуки вроде вас откинут копыта первыми же. Я не собираюсь нянчиться с вами. Вчера весь взвод прошёл инструктаж по стрельбе. Тратить время на индивидуальные занятия с вами никто не будет. Так что выкручивайтесь как хотите, но только попробуйте завалить итоговый зачёт и потянуть класс на дно.

— Договорились, — лениво согласился Цзянь Сунъи.

Он перевёл взгляд на деревянные ящики, где ровными рядами лежало учебное оружие.

— Это ведь полуавтоматические винтовки Тип 56?

Хуан Мин слегка удивился:

— Разбираешься?

— Немного, — Цзянь Сунъи повернулся к Бо Хуаю: — Не забыл ещё, с какого конца за неё держаться?

— Помню вроде.

Цзянь Сунъи кивнул и снова уставился на инструктора:

— Товарищ инструктор, пострелять прямо сейчас можно?

Хуан Мин лишь презрительно фыркнул, решив, что пацану просто захотелось подержать в руках грозную игрушку.

— Зачесались руки? — хмыкнул он. — Предупреждаю сразу: у меня тут свои правила. Всего десять выстрелов. За каждый промах мимо мишени — штрафной километр бега. Если трижды подряд не выбьешь тройку — ещё километр. Стрелять не запрещаю, но бегать будешь на общих основаниях.

Шеренга Альф испуганно ахнула.

Цзянь Сунъи и Бо Хуай вчера пропустили всю теорию и практику. С нулевой подготовкой они гарантированно заработают себе забег минимум на пять километров!

Однако лица виновников переполоха оставались абсолютно спокойными.

Цзянь Сунъи хрустнул костяшками пальцев, размял шею и с привычной ленивой ухмылкой выдал:

— Да так, ничего особенного. Просто хотим показать, что изнеженные комнатные барчуки на самом деле могут быть чертовски крутыми.

<http://bllate.org/book/20583/2152060>